

Слухи и толки времен коллективизации

Бессонов Игорь Александрович

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Слухи и толки традиционно рассматривались как одна из форм бытования фольклорных текстов. В частности, К.В. Чистов выделяет три формы бытования несказочной прозы: «слухи и толки», «меморат» и «фабулат» [Чистов]. Мы попытаемся осветить слухи и толки, распространявшиеся в советской деревне в начале 1930-х гг., порожденные коллективизацией и раскулачиванием. Большинство используемых материалов представляет собой документы опубликованных архивов, сохранивших сообщения органов власти и государственной безопасности о настроениях среди крестьян.

Целый ряд слухов имел эсхатологический характер. Так, насаждение колхозов в сочетании с закрытием церковей рассматривалось крестьянством как наступление «последних времен», царства антихриста: *Что же вы идете в колхоз, это же грешно, ведь вы этим подписываетесь под лист антихриста, бегите от колхозов, спасайте свою душу* [Советская деревня III-1: 97]. Повсеместно циркулировали слухи о том, что колхозников клеймят «печатью антихриста»: *Ссыльнопоселенцы, живущие в д. Чувашиевой Чердынского района наводят панику: «Вы, мол, в колхозы не вступайте, а то будет плохо. У нас на Кубани всем колхозникам ставят клеймо и вырезают буквы»* [Трагедия II: 588]; *Вас заставят работать в воскресенье, если вы пойдете в колхоз, вам приложат ко лбу и на руках печать антихриста. Сейчас уже началось царство Антихриста, и вступать в колхоз большой грех, об этом написано в Библии* [Советская деревня III-1: 96]. Подобные слухи архивные документы фиксируют в большом количестве, часто отмечая социальную или конфессиональную принадлежность их распространителей. Зачастую это люди, связанные с церковью, а также старообрядцы и сектанты, особенно часто – женщины.

Другой популярный мотив, иногда приобретающий эсхатологические коннотации, – слухи о будущей войне. Для раскулаченных крестьян нередко единственной надеждой была интервенция иностранных держав или возвращение «кадетов»: *все это строительство только до весны, а там Милюков и Керенский покажут коллективизацию* [Советская деревня III-1: 285]. Нередко в слухах фигурировал Китай, что наводит на мысль о возможной связи этих слухов с традиционными эсхатологическими предсказаниями о китайском нашествии.

Еще один слух, широко отразившийся в архивных документах – «Варфоломеевская ночь», когда коммунисты будут резать всех противников коллективизации или, по другой версии, противники коллективизации или интервенты будут резать коммунистов и колхозников: *...распускаются слухи, что скоро будет объявлена темная ночь и коммунисты будут резать лишенцев и их детей* [Советская деревня III-1: 207]; *всем колхозникам будет Варфоломеевская ночь, как в Париже, за граница идет на нас, это надо иметь в виду* [Там же: 86].

В слухах 1930-х гг. также постоянно муссируется тема продажи крестьян в рабство за границу (т. к. сами колхозы воспринимались как новая форма рабства, крепостного права): *В Богдашкинском районе Ульяновского окр., кулачеством пущен слух, что скоро девушек будут отправлять в Китай* [Трагедия II: 207]; *В Старобельском округе кулаки упорно распространяли слухи о том..., что Америка предложила Советскому Союзу продать всех кулаков, лишенных права голоса, и что по этой причине теперь высылают кулаков в Сибирь, откуда их удобнее переправлять в Америку* [Трагедия, т. 1: 341]. Подобные слухи во многом были отражением утилитарного отношения властей к деревне и крестьянству как к объекту сверхэксплуатации, поставщику ресурсов для развития промышленности. Отношение к деревне как к «внутренней колонии» порождало самые жуткие слухи: *стариков будут перегонять на мыло, а волосы, вместо шерсти, менять в Америке на трактора* [Демьянов: 25]; *в колхозах человечинной кормят* [Гущин, Ильиных:

191]. С другой стороны, такого рода тексты в известной мере представляют собой зачатки «городской легенды», рассказа, ставящего целью вызвать у слушателя изумление и ужас: ср. дальнейшее развитие мотивов людоедства, изъятия органов для трансплантации, переработки стариков «на колбасу» и т. д.

Наконец, весьма распространенным слухом был тот, что колхоз на самом деле является коммуной с обобществлением жен и детей: *Величайший удар и развал колхозного строя по всему Советскому Союзу произвели женщины полной прищепкой к церкви и попам. Женщинам внушают: «Весь хлеб от вас насильно забрали, и вы ослабили экономично, вас насильно загонят в колхозы, а потом загонят в коммуны, где начнет поштыдная половая, развратная жизнь». Разные агитации, что под общим одеялом будут спать* [Трагедия II: 113]; *скоро начнут отнимать у родителей детей, которых будут отдавать воспитывать в коммуны* [Советская деревня III-1: 141]. Подобные слухи явились как отражением традиционной антикоммунистической пропаганды, так и следствием либеральной политики советской власти в области межполовых отношений.

Итак, мы видим, что слухи, распространявшиеся в 1930-е гг. в советской деревне, с одной стороны, обусловлены конкретно-исторической ситуацией, а с другой – отражают многие традиционные народные представления и вбирают в себя традиционные фольклорные мотивы. Рассмотрение материалов такого рода представляет большой интерес для изучения истории фольклора и выяснения механизмов осмысления конкретно-исторической ситуации носителями традиционной культуры.

Литература

Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х годов. Новосибирск, 1987.

Демьянов А.И. Истинно православное христианство: Критика идеологии и деятельности. Воронеж, 1977.

Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД: Документы и материалы: В 4 т. М., 2003.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. М., 1999–2006.

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.